

Чэнь Жун предпочел опустить этот вопрос. По сути, он понимал, что у него может быть весьма большой выбор, а может и вовсе его не быть. Это уж как судьба повернется. Конечно, его уровень культивации не сравнится с уровнем Ван Ци, но он старается. Рано или поздно его раскроют как омегу, но к этому времени он постарается достичь уровня, когда сможет постоять за себя. А для роста... ему много чего надо для роста. И в частности ему нужен Ван Цилан. Как учитель. Ну, по крайней мере, как советчик. Как его «ЗОЛОТОЕ БЕДРО». Чэнь Жун уже разъяснила ему, что это такое – покровитель, опекун. Возможно не за так. С этим еще придется смириться, хотя опять-таки не факт, что такое прокатит. Он итак знал, что его происхождение было весьма скромным, особенно на фоне Ван Цилана из главного дома Ван.

"Какое это имеет значение? У тебя еще все впереди!"- попыталась ободрить его мысленно АЖунь. Она имела одно бесспорное преимущество, будучи оптимисткой после своего возрождения. Ей нравилось «сидеть в безопасности» и наблюдать за происходящим из первого ряда. Ну и советы давать, как же без этого. Напоминать о ключевых событиях, типа той же засухи.

Чэнь Жун крепко сжал руки, прикинув, что подобное сильно напоминает умственное расстройство, и приказал слуге:

— Старик Шен, можешь проехать немного вперед? - Тот кивнул и стал осторожно понукать лошадей.

Когда подъехала повозка Чэнь Жуна, несколько юношей обернулись, чтобы посмотреть в его сторону. Увидев столь красивого юношу, их глаза широко раскрылись, а они сами застыли на месте.

Чэнь Жун внешне был слишком изыскан и прекрасен, несмотря на явную юность. О том, что он мужчина можно было судить лишь по одежде и манере держаться, более независимой, чем у приличной девушки. Но аура очарования уже вовсю работала, причем совершенно без его участия. Дар и сам знал, что его носителю требуется защита. После того, как он возродился, в его красоте чувствовалась неуловимая нотка зрелости и самодостаточности. Подобное в сочетании с невинностью юного подростка выгодно выделяли его среди толпы неоперившихся юнцов. Обычно в этом возрасте юноши только начинали постигать основы наук, и даже были еще вхожи на женскую половину. Его ровесники юноши, что были в караване и вовсе носа не казали из повозок матерей или отцов. А он уже руководил своим караваном, как глава семьи.

Молодой человек из Дома Юй смотрел на него пылающим взглядом.

— К какому дому принадлежит этот юный красавчик-господин?

Не дожидаясь, когда Чэнь Жун представится, Ван Улан улыбнулся и ответил:

— Он принадлежит к Дому Чэнь из города Пинг. Его зовут Жун.

Дом Чэнь из города Пинг? Услышав полное имя, каждый юноша Дома Юй засветился от радости. Дом Чэнь из города Пинг был лишь небольшой ветвью клана Чэнь – статус этой семьи был не очень высоким. Подобное значительно упрощало дело – заполучить такого красавчика в младшие мужья или наложники будет совсем не сложно. Дом Юй был столичным домом, и новые веяния уже вполне в нем прижились. В отдельных случаях поистине иметь младшего мужа было куда удобнее, чем жену, особенно в столь смутное время. К тому же большинство из них не были прямыми наследниками. А если что, всегда можно сделать, а потом признать ребенка от наложницы или служанки.

Под оценивающими взглядами юношей Чэнь Жун оставался спокойным, подобно водной глади озера в безветренный день.

Покинув повозку, он сделал два шага вперед, затем поднял голову. Взгляд его сейчас прозрачных, словно рассветное небо и вместе с тем бездонных, глаз устремился на Цилана из Дома Ван, которого в настоящее время окружала толпа восторженных девушек. Впрочем, АЖунь в его сознании лежала крепко связанной и с заклеенным скотчем ртом. Глохнуть от ее воплей в очередной раз он не собирался. А помирится потом.

Ван Хун тоже смотрел в его сторону.

Увидев Чэнь Жуна, этот красивый мужчина, который редко, когда улыбался, внезапно засиял. Его белоснежная улыбка могла бы ослепить любого человека. Волнами от него расходился флер очарования, повергая поклонниц в неконтролируемую восторженную эйфорию. Как и в их первую встречу, А Жун неосознанно наклонил голову к плечу и отвернулся, показывая, что он оглушен, ослеплен, и почти без сознания.

Увидев, как Ван Цилан неожиданно разулыбался, толпа девушек сначала застыла на месте, затем пришла в еще более неопиcуемый восторг.

Молодого мужчину, стоявшего рядом с Ван Хуном, звали Юй Чжи. На вид ему было не больше двадцати лет. Прямоугольное лицо, острые, словно два меча, брови – как ни посмотри, это был красивый молодой человек. Услышав счастливые визги девушек, он не мог не повернуться и не проследить за взглядом Ван Хуна.

Посмотрев на красавца, талантливо изображающего пантомиму верного почитателя, Юй Чжи засмеялся и сказал:

—Так вот какие красавчики тебе нравятся.

— Это Сяо Жун из Дома Чэнь, о котором я тебе недавно рассказывал.

В глазах Юй Чжи промелькнул интерес. Он снова, уже оценивающе, осмотрел Чэнь Жуна, затем отвел взгляд.

Он явно задумался о чем-то своем.

Юные красавицы обоих домов почувствовали себя невероятно огорченными.

Стоило только появиться этому мальчишке, как он тут же привлек внимание двух самых привлекательных мужчин. Женщины еще не привыкли делить внимание, предназначенное им с кем-то там, кого сложно воспринимать соперником. А предметом интереса он пока быть не может в силу возраста и ничтожного положения. Им могут восторгаться разве что служанки, если осмелятся, конечно. Бросив уничтожающие взгляды в направлении Чэнь Жуна, они, не сговариваясь, встали ближе друг другу, своими головами и одеждой загородив весь обзор. Повинуясь чьему-то жесту, несколько экипажей съехались вместе, из-за чего Жень больше не мог видеть Ван Хуна и его друга.

Чэнь Жун отвернулся и невозмутимо вернулся в свою повозку.

Оказавшись внутри, он достал из стенной ниши семиструнную цитру. Чэнь Жунь в сознании плевалась и ругалась на Женью. Но, тем не менее, гневно жаждала реванша. Кажется, из его сознания она уже выловила отдельные роские непере译имые словечки и выражения. Поскольку использовала их без стеснения в качестве ярких характеристик местных девиц.

Чэнь Жунь этом возрасте в своей предыдущей жизни была фактически неграмотной. Ее отец не занимался дочерью от наложницы – она была бросовым материалом. Которой в лучшем случае светила перспектива стать наложницей. Ей еще можно сказать повезло. Она стала наложницей весьма высокопоставленного человека. Отец ни на что более значимое, чем обычный купец и не рассчитывал. Потому и не было особенно много вложено в ее внешность. И ноги были не столь малы и грудь присутствовала в полном объеме. Купцам были нужны здоровые женщины, а не эфемерные плоские аристократки. Там и за прилавком надо было бы стоять и в повозках караваны сопровождать. Потому Чэнь Жунь и ездила верхом, и управлялась с кнутом, и знала северные племенные наречия. Чэнь Жуну повезло больше, поскольку он был мальчиком. А значит – возможным помощником. Да и сбыть его младшим тоже проблемой не было. Но судя по тому, что он начал получать образование и был оставлен на «почти ученого человека» не важно, что оказавшегося вором, то отец все же что-то планировал на его счет, большее, чем в варианте с Жунь.

Но с тех пор, как Чэнь Жунь встретила того самого человека, из-за которого покончила с собой, она много лет училась играть на цитре, в надежде возродить свою разрушенную репутацию и завоевать его холодное сердце. Кем был этот мужик, Женья пока не выяснил, но не сомневался, что рано или поздно та проговорится... Она оказалась довольно талантлива и по истечении двух лет постоянной практики, смогла постичь искусство игры на этом инструменте. Женья обозвал его, к возмущению Жунь, лопатой со струнами. Гусли были ему ближе, но что-то родственное у этих инструментов было. Поэтому постичь игру «на лопате» ему было не сложно. Препираться со своим женским альтер-эго было забавно. И не только ему. Теперь глядя на цитру, та давилась смехом, видя ту картинку с деревянной лопатой, что

представил ей Женя. Но напряжение ушло, и стало легко. Перед своей смертью она смогла восстановить свое доброе имя благодаря одной лишь игре на цитре. На этой самой лопате.

Он ни в юности, ни во взрослости таким не развлекался. Первый Чэнь Жун по молодости только начал постигать цитру и его попытки были довольно неумелы, а Женя и вовсе ... никогда этой музыкальной лопаты в руках не держал. Правда, держал гусли. Так что пальцы все же гнулись правильно.

Склонив голову, он под руководством А Жунь поставил инструмент на дорожный столик, а затем начал легонько пощипывать струны. Чэнь Жун откровенно закатывал глаза, мысленно подкидывая все более смешные сравнения. Но подсказывал новые необычные пассажи, которые та с удовольствием пробовала его пальцами. Собственно, это была игра «в четыре руки», две из которых были ментальными.

Галдящая толпа мгновенно затихла, как только до нее дошли звуки музыки.

Чэнь Жун не поднимал глаз. И так бы не запутаться в себе самом и конечностях...своих и эфемерных.

Его пальцы рисовали на струнах невидимый узор, рождая чудесную непривычную мелодию, которая текла и переливалась, как вода в ручье. Конечно, он не сознавал, что вплетал в звучание еще и эфирные струи, плывущие замысловатыми кружевными узорами совсем не местной ворожбы. словно кружево облаков вокруг луны в ночном небе, эта музыка появилась тихо и незаметно и своей красотой озарила и заплела все вокруг.

Тишина опустилась на лагерь.

Группа девушек обернулась, чтобы посмотреть на того, кто играет.

В это время Чэнь Жун сосредоточил все свое внимание на цитре, невольно увлекшись контролем четырех верхних конечностей. Безмятежная фигура изящного подростка, среди раскрытых шелковых драпировок повозки, колышущихся на ветру, казалось, была соткана из чистоты неба и яркого света солнца.

Люди восхищенно внимали его непривычной, но искусной игре. Цилан даже прикрыл губы кончиками пальцев, любясь на незнакомые эфирные узоры, что творил юный маг. Юй Чжи раздувал ноздри. Он бы уже рванул в ту сторону, но взгляд Цилана обжег не хуже кнута.

Благодаря своему высокому происхождению, собравшаяся здесь молодежь получила великолепное образование. В своем обучении, как юноши, так и девушки обязаны были получить основы по всем четырем искусствам (1), а по императорским требованиям и по шести, даже если в будущем они не планировали стать мастерами. Тем же, кто претендовал на сдачу экзамена, следовало постичь шесть наук. И быть в какой-то из них выдающимся и признанным Гением - то есть, владеть в совершенстве.

Как только ветер донес до них мелодию Чэнь Жуна, они сразу признали его мастерство.

Традиция игры на цитре восходила еще к временам императоров Яо и Шун. Цитра имела чистое и изящное звучание и почиталась среди современных ученых больше других инструментов. Очень немногие из аристократов не умели играть на ней. Но кроме того популярность этого инструмента была связана и с тем, что он мог стать эфирным проводником. Часто и сами инструменты были могучими артефактами.

Одним из выдающихся мастеров игры на цитре был Ван Цилан, Ван Хун из Лан Я.

Еще в первую их встречу с Чэнь Жуном, мужчина знал, что он тоже играет на цитре. Но никак не ожидал, что за время его отсутствия тот настолько продвинется в самосовершенствовании. То, что мальчик плетет неосознанно, говорило о редком единении юного омеги с эфиром. А значит, тот будет силен, очень силен. Нет, Цилан не воспринимал Жуна как конкурента, скорее, как... добычу. Ведь он его нашел первым. А значит, имеет на него приоритетное право.

Но он никогда бы не подумал, что он так искусен! Техника игры этого пятнадцатилетнего мальчика была невероятна. Его тонкие пальцы порхали над цитрой, плетя эфирное кружево сами собой – мелодия менялась так плавно и быстро, и была подобна ветру, бескрайнему и безграничному. Он играл так, словно доверял ему тоску разлуки и радость воссоединения, мудрость повидавших смерть и беспечность едва вошедших в возраст созревания, чувственную невинность и искушенную развращенность... Эти чувства плыли, словно весенний ветер, словно стремительная вода – временами ласковые, временами равнодушные – они поистине трогали душу.

Иными словами, все без исключения ученые через музыку хотели показать свою утонченность и образованность, а маги еще и влиять на сознание и плести печати. Игра же этого юноши отличалась от такого. В ней чувствовались невероятный пыл и страсть, изыск и откровенное хулиганство.

Мастерство Чэнь Жуна ничем не уступало Ван Хуну. И тот это понял, просто принимая посланный ему эфир, как изысканное угощение.

Люди застыли на своих местах. Ван Хун и другие даже прикрыли глаза, внимания музыке, омываемые невидимыми простым людям волнами эфира.

Никто не знал, как долго это продолжалось. В какой-то момент плавные звуки цитры начали постепенно рассеиваться, пока не исчезли совсем.

Чэнь Жун медленно поднял голову, и несмело посмотрел на Ван Хуна. Солнечный луч игриво танцевал на его белой, словно нефрит, щеке, едва тронутой легким румянцем... нет, не смущения, а сдерживаемого смеха, отчего у губ плясали прелестные ямочки.

Их взгляды встретились.

В глазах Чэнь Жуна плескались застенчивость и радость. Опустив голову, он медленно сказал:

— Я очень рад Вас видеть вновь, Мастер.

После этих слов он закрыл занавеску. Изнутри приглушенно слышался приказ и Старый Шен тронулся, разворачивая повозку с видом, точно везет самого императора.

Под шепот переговаривающихся людей коляска Чэнь Жуна вернулась в середину колонны. На свое место.

И Дом Ван, и Дом Юй, смотрели в сторону удаляющейся повозки, потрепанной путешествием. Юноша, находившийся внутри нее, так и не выглянул.

— Когда он достиг такого уровня игры в цитре?— не выдержав, воскликнула одна из дам клана Ван. — Ведь он совсем мальчишка!

Никто не ответил.

Ван Улан тоже, наконец, пришел в себя. Вздернув бровь, он покачал головой:

— Я не слышал ничего подобного.

— Он действительно неплохо играет. К несчастью, он - всего лишь сын наложницы из второстепенной ветви, — глумливо произнесла седьмая ньюши Дома Ван.

Она сказала это довольно громко. Специально. Даже не понимая, что только что сотворила себе соперника в свадебной гонке. Многие нахмурились и уже прикинули свои шансы, ревниво поглядывая на окружающих. Мальчик не достиг совершеннолетия - значит, за него все решит его отец или опекун. Вопрос лишь в цене...

Несколько человек кивнули в знак согласия собственным мыслям. Восторженность мгновенно исчезла из многих глаз, сменившись практицизмом и холодным расчетом. Маска презрения снова вернулось на их гордые лица.

Ну и что, что он обладает таким мастерством?

Ну и что, что он такой красивый?

Сын наложницы, сына второстепенной ветви - он всегда будет ниже них. Такой как он не заслуживает их восторга. Он заслуживает места в их семье. Где его талантами, конечно же будут гордиться и использовать. Холить и лелеять. Ведь юношу с таким статусом даже не факт,

что допустят до экзамена... а значит, его судьба быть младшим мужем. Понятно, что статус наложника придется отбросить... поскольку желающих много и выиграет или самый родовитый, или тот, кто больше предложит его опекуну или родителю.

Утвердившись в собственной значимости и прикинув свои планы, молодежь отвернулась. В этой ситуации лучше не подчеркивать своей заинтересованности, чтобы цена не выросла. А все тихо-мирно решить.

В этот момент одна из девушек клана Юй поспешно крикнула:

— Эй, а где Хун Лан Я?

Ван Хун? Где он?

Девушки судорожно начали вертеть головами, выискивая мужчину. Они быстро обнаружили, что Ван Хун и Юй Чжи уже давно вернулись к себе. Сейчас они могли любоваться лишь тем, как ветер треплет занавески их колысок.

1) Четыре искусства - это музыка(пение, танец), шахматы(стратегия, логика), поэзия(культура речи) и живопись(каллиграфия) добавляются – Владение луком (оружием) и Езда верхом и на колеснице.

<http://erolate.com/book/1285/36067>